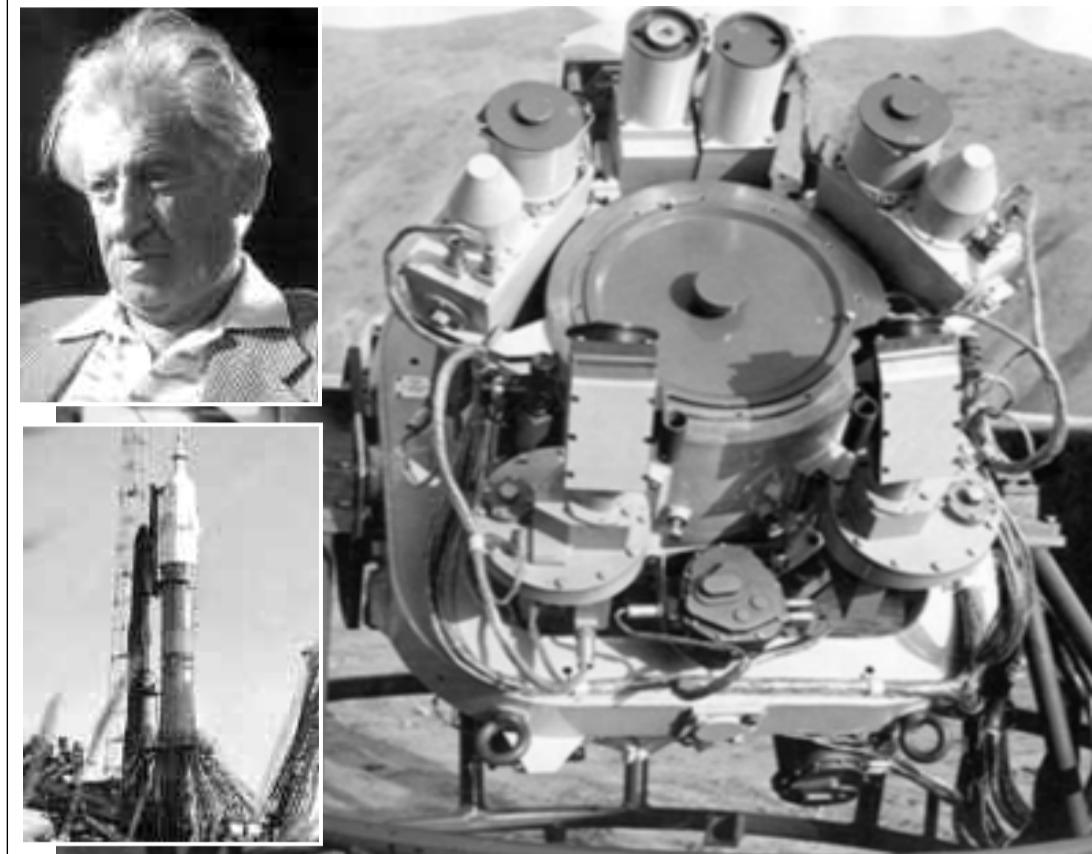


Космос, который Армения потеряла

Пять лет назад ушел из жизни выдающийся учений-астрофизик и художник, действительный член АН Арм.ССР Григор ГУРЗАДЯН – один из первых сотрудников Бюраканской обсерватории. Он родился в Багдаде в семье выходцев из Западной Армении, бежавших в 1915 году в Ирак. Семья репатрировала на историческую родину, Григор окончил Политехнический институт и стал аспирантом Виктора Амбарцумяна. В Бюракане в 50-х, уже доктор наук, он с коллегами приступил к созданию уникальной астрофизической аппаратуры для работы в космосе. Группа Гурзадяна вскоре создала космическую обсерваторию и конструкторское бюро, ставшее позднее Институтом космической астрономии. Были созданы орбитальные обсерватории Орион-1 и Орион-2, которые выявили ценнейшие научные факты. В Гарни прошли предполетную подготовку около 40 советских космонавтов.



После раз渲а ССР институт в Гарни прекратил существование: аодовской власти наука была не нужна. О некоторых перипетиях этой печальной истории рассказал Андраник ОВАНЕСЯН в своем очерке (отрывки публикуются ниже) о Григоре Гурзадяне и его «Орионах», о космическом центре «Гранит». А.Ованесян был заместителем гендиректора «Синопис Армения», коммерческим директором, специалистом посольства США в Армении, занимал ключевые должности в ряде организаций.

Григор Гурзадян – не только крупнейший учений. В своем Гарнийском институте он приобщился к живописи и со временем стал замечательным художником. В основном писал пейзажи – тонкие и глубокие по смыслу. Иначе и быть не могло – это была его сущность как человека и ученика. Деятельность Григора Гурзадяна – одна из вершин армянской науки, его научное наследие имеет непрекращающее мировое значение. Также предлагаем отрывок из эссе «Молчание мудреца» писателя Кима БАКШИ – о Гурзадяне-художнике.

Засекреченный объект под названием «Гранит»

Отрывок из очерка
Андраника ОВАНЕСЯНА

На одном из поворотов, чуть не доезжая до Гарни, направо с трассы, в каньон, уходит, петляя, малоприметная, заброшенная и полуразрушенная дорога. В ее конце, практически не видном с основной трассы, находятся остатки того, что когда-то было засекреченным объектом под ничего не значащим названием «Гранит» – а на самом деле раскинувшийся на 60-и гектарах (!) Гарнийский космический центр (позже, после краха ССР – НГО «Галактика»), который много лет взглядал на академики, всемирно известный учений-астрофизик, пионер космической астрономии, крупный теоретик теории космических полетов и отличный художник Григор Гурзадян.

Большинство населения Армении и понятия не имело и не имеет о существовании этого центра, и что именно в этом центре, созданном по указанию Келдыша еще в 1965-м, были разработаны первые космические астрофизические спутники-обсерватории («Орион-1» и «Орион-2»), и космические телескопы серии Глазар, работающие на модулях центра «Мир». В центре, на мощном московском финансировании, работало до 500 человек, проходили стажировку советские космонавты, а Космический музей, созданный при нем, был долгое время третьим в мире после Вашингтонского и Московского музеев. Да, да! У нас был космический музей – своими глазами видел там обожженную спускающуюся космическую капсулу и макеты космических телескопов. В центре имелись крупные исследовательские и промышленные корпуса, а рядом были построены коттеджи, где и жили многие сотрудники.

В 90-х и позже, по словам Гурзадяна и по тому, что писали в прессе и в блогах, новоиспеченные демократическое правительство, при прямом участии чиновников Минтруда, котайского мэрзета и гюхаета Гарни уступили полностью разработать уникальный Гарнийский космический центр, распродать по дешевке почти все его имущество, сложнейшие обрудование и все драгоценные материалы, хранившиеся на складах, уволить практически всех сотрудников, отобрать и приватизировать служебные квартиры в коттеджах. Пытались дважды продать научный корпус вместе с музеем и устроить на территории крупный свинарник. Стареющий Гурзадян много лет сопротивлялся как мог, но за него решали все – мы все потеряли в угоду безграмотным и жадным подонкам. Другого слова, простите, не нахожу.

NASA – надежды и разочарования

В марте 1996 г. тогдашний министр промышленности Сафарян сообщил при мне послу Питера Томсона в весьма несерезней форме, что его, мол, постоянно донимает академик Гурзадян на тему помоши в возобновлении контактов с НАСА и совместного проектирования, строительства и запуска спутника-телескопа. Сафарян попросил посла хотя раз с Гурзадяном встретиться, типа чтобы старик понял, что к чему, и отстал.

Когда, по поручению посла Томсона, я посетил Гурзадяна в мае 1996 года, то застал раздирающую сердце картину. В огромном холоном, давно не отапливаемом и совер-

шенно пустом и обрамленном здании исследовательского корпуса сидел в своем кабинете, один-единешенек, всемирно известный учений и продолжал фанатично писать и издавать свои сложнейшие теории и чертежи космических спутников-обсерваторий. Стены двух комнат его кабинета были завешены пленочками с чертежами спутников и прекраснейшими картинками кисти их автора. Картины устилали и весь пол, по центру которого к столу ученика вела узкая дорожка. Вне этого малюсенького оазиса было 60 гектаров обворованной, разграбленной науки и украденного престига страны.

Гурзадян, с одной стороны, обращался встрече, с другой – отнесся с некоторым недоверием – поскольку я не был американским дипломатом. Потом недоверие растворяло. Гурзадян рассказал, что как минимум последние десять лет он занимался разработкой беспилотного спутника-обсерватории, работающей в ультрафиолетовом спектре, под названием ХРОМОС. В 1989 он имел возможность представить проект некоторым сотрудникам НАСА и ученым нескольких университетов. Гурзадян показал мне весьма хвалебные отзывы о проекте от Ерванда Терзяна, профессора астрономии и космических наук Корнельского университета, а также Меморандум о взаимопонимании с учеными Колорадского университета, по которому стороны должны были добрались проект оптической части телескопа и попытаться заинтересовать НАСА о визите к нам. Чем и подписал с Гурзадяном соглашение. С цифрами. Копия у меня на руках.

Армянский спутник

Через месяц, 7 марта 1996 г., Гурзадян попросил меня о встрече и сам приехал в посольство на Баграмяна. Оказывается, после нашей последней встречи он не выдержал и полетел в Санкт-Петербург и Москву, где пользовалась высокой репутацией, и договорился о постройке и запуске на фантастических условиях своего телескопа-спутника, теперь под названием «Гарни». Так Евгений Маламед, директор петербургского ЛОМО, согласился построить телескоп всего за каких-то 400 000 долларов, с первоначальным взносом всего в 50 000 долларов, причем к концу года. О чем и подписал с Гурзадяном соглашение. С цифрами. Копия у меня на руках.

А Владимир Никитский, главный инженер Космического центра Королева, оценил постройку спутниковой платформы для телескопа, самого носителя, запуска и обслуживания в поиске всего в 80–90 миллионов долларов (против 500 миллионов в американском варианте). Гурзадян показал мне макеты Годдарда, и далее – заместителем администрации НАСА, руководили всеми последними марсианскими миссиями).

Фактически дело оставалось за малым – найти всего-то 400 000 долларов (против 40–50 миллионов в США) и запускаться либо российским носителем, либо Шаттлом. Гурзадян также просил меня попросить НАСА о визите к нему, чтобы обсудить в деталях этот проект и проект VESTAL – обсерваторию, работающую в рентгеновском спектре. А также предложить НАСА использовать проектные и производственные мощности Гарни для своих проектов. В качестве потенциального контакта Гурзадян указал Эдварда Вейлеру, тогда – директора Программы происхождения Вселенной НАСА (позже он стал директором Центра космических полетов Годдарда, и далее – заместителем администрации НАСА, руководил всеми последними марсианскими миссиями).

1 апреля я постал Вейлеру факт, в котором подробнейшим образом изложил как сам проект, так и предложение Гурзадяна. Вейлер ответил тут же, пожаловался на урезку бюджета и сообщил, что ультрафиолетовым спектром НАСА больше не интересуется и что, мол, будущее за инфракрасным спектром. И посоветовал обратиться к Аллану Баннеру, научному директору департамента Структуры и эволюции Вселенной.

Ответ Алана тоже был неутешителен – кучки разработки мы не оплачиваем, каждый должен сделать свою часть за свои средства, и вообще от-

ВСПОМИНАЯ ЗОЛОТОЕ ВРЕМЯ

Отрывок из эссе Кима Бакши

Мы идем с Гурзадяном из института к его дому, ступаем по выщербленной асфальтированной тропинке, проложенной на краю ущелья. И говорим, вспоминаем. И отношения у нас к тому, о чем говорим, к преклонению перед учеными, когда

имглядывали в рот, ироническое, но с добрым ульбкой. У меня есть что сказать, что вспомнить, был в то время заведующим отделом науки популярного журнала «Огонек», знаком со многими знакомыми Гурзадяна.

Середина дня, но солнце уже чуть склонилось – по осеннему. Особого тепла нет: снег выпал на Арапате. За обедом, забывши приготовленный Мариник Ашхарбековной, я со смущением и благородностью заметил прибавление некоторых бллюд специально для гости. Обычно Гурзадян ест один раз в день после работы.

За столом, как бы продолжая тему наших воспоминаний о золотом времени, Гурзадян рассказал, как сюда пришли Уильям Сароян. Он-то пришел не к нему, а в Армению, но писал, тесно окружившие его, жаждали познакомить с достопримечательностью – секретным ученым из Гарни, физиком, запускающим ракеты в космос.

Приехало очень много народа – Гурзадян еще удивился, неужели у нас есть столько писателей? – расселись в кабинете кто где смог, в основном на полу. С восхищением рассматривали и слушали двух кумиров. Был тогда даже Ованес Шираз, он и Сильва Кауптиян обычно не ездили в такие места, но им не придется читать свои стихи и вообще быть не в центре внимания. Сильва, правда, не приехала по понятным причинам. Гурзадян посмотрел на меня. Я кинул, понимаю. Хоть что там понимать?..

Уильям Сароян спрашивал, Гурзадян отвечал, диалог двоих. Первый вопрос о судьбах звездного неба заставил его задуматься – как ответить, чтобы было понятно далекому от астрономии человеку? И пришло вдруг замечательное сравнение. Оно поднялось на столько ученым, но также поэту, художнику. Я посмотрел на стены столовой, и здесь, как в его кабинете, увещаные ковром картин. Хоть что там понимать?..

Уильям Сароян спрашивал, Гурзадян отвечал, диалог двоих. Первый вопрос о судьбах звездного неба заставил его задуматься – как ответить, чтобы было понятно далекому от астрономии человеку? И пришло вдруг замечательное сравнение. Оно поднялось на столько ученым, но также поэту, художнику. Я посмотрел на стены столовой, и здесь, как в его кабинете, увещаные ковром картин. Хоть что там понимать?..

Во время первого его приезда в Армению писатели повезли Сарояна также и академику Амбарцумяну. Тот прочел целую лекцию о галактиках, о звездных ассоциациях, показывал множество снимков. Сароян лекцию слушал вполуха, глядел не на фотографии с белыми расплывчатыми пятнами на полу. Сын, а может быть, сасунский

Уильям Сароян спрашивал, Гурзадян отвечал, диалог двоих. Первый вопрос о судьбах звездного неба заставил его задуматься – как ответить, чтобы было понятно далекому от астрономии человеку? И пришло вдруг замечательное сравнение. Оно поднялось на столько ученым, но также поэту, художнику. Я посмотрел на стены столовой, и здесь, как в его кабинете, увещаные ковром картин. Хоть что там понимать?..

Я спросил Гурзадяна, как проходила их вторая встреча с Сарояном – та, что без свидетелей. Он не ответил, сказал только: «Он оказался невероятно (любимое слово!) – невероятно другим!..» Что это значит, какой он был?

В другое время и по другому поводу Гурзадян сказал: «Он любил представления, умел уступать в утренние газеты, времени дают меньше часа.

Я где-то видел фотографию: очень длинноволосый и молодой, высохший, Гурзадян склонился к бодому усатому старику, который пытается его обнять за шею, при этом выражение лица у Сарояна такое, как будто он говорит: «хороший ты парень, черт тебя поборал!»

Во время первого его приезда в Армению писатели повезли Сарояна также и академику Амбарцумяну. Тот прочел целую лекцию о галактиках, о звездных ассоциациях, показывал множество снимков. Сароян лекцию слушал вполуха, глядел не на фотографии с белыми расплывчатыми пятнами на полу. Сын, а может быть, сасунский

Уильям Сароян спрашивал, Гурзадян отвечал, диалог двоих. Первый вопрос о судьбах звездного неба заставил его задуматься – как ответить, чтобы было понятно далекому от астрономии человеку? И пришло вдруг замечательное сравнение. Оно поднялось на столько ученым, но также поэту, художнику. Я посмотрел на стены столовой, и здесь, как в его кабинете, увещаные ковром картин. Хоть что там понимать?..

Я спросил Гурзадяна, как проходила их вторая встреча с Сарояном – та, что без свидетелей. Он не ответил, сказал только: «Он оказался невероятно (любимое слово!) – невероятно другим!..» Что это значит, какой он был?

В другое время и по другому поводу Гурзадян сказал: «Он любил представления, умел уступать в утренние газеты, времени дают меньше часа.

Я спросил Гурзадяна, как проходила их вторая встреча с Сарояном – та, что без свидетелей. Он не ответил, сказал только: «Он оказался невероятно (любимое слово!) – невероятно другим!..» Что это значит, какой он был?

В другое время и по другому поводу Гурзадян сказал: «Он любил представления, умел уступать в утренние газеты, времени дают меньше часа.

Я спросил Гурзадяна, как проходила их вторая встреча с Сарояном – та, что без свидетелей. Он не ответил, сказал только: «Он оказался невероятно (любимое слово!) – невероятно другим!..» Что это значит, какой он был?

В другое время и по другому поводу Гурзадян сказал: «Он любил представления, умел уступать в утренние газеты, времени дают меньше часа.

Я спросил Гурзадяна, как проходила их вторая встреча с Сарояном – та, что без свидетелей. Он не ответил, сказал только: «Он оказался невероятно (любимое слово!) – невероятно другим!..» Что это значит, какой он был?

В другое время и по другому поводу Гурзадян сказал: «Он любил представления, умел уступать в утренние газеты, времени дают меньше часа.

Я спросил Гурзадяна, как проходила их вторая встреча с Сарояном – та, что без свидетелей. Он не ответил, сказал только: «Он оказался невероятно (любимое слово!) – невероятно другим!..» Что это значит, какой он был?

В другое время и по другому поводу Гурзадян сказал: «Он любил представления, умел уступать в утренние газеты, времени дают меньше часа.

Я спросил Гурзадяна, как проходила их вторая встреча с Сарояном – та, что без свидетелей. Он не ответил, сказал только: «Он оказался невероятно (любимое слово!) – невероятно другим!..» Что это значит, какой он был?

В другое время и по другому поводу Гурзадян сказал: «Он любил представления, умел уступать в утренние газеты, времени дают меньше часа.

Я спросил Гурзадяна, как проходила их вторая встреча с Сарояном – та, что без свидетелей. Он не ответил, сказал только: «Он оказался невероятно (любимое слово!) – невероятно другим!..» Что это значит, какой он был?

В другое время и по другому поводу Гурзадян сказал: «Он любил представления, умел уступать в утренние газеты, времени дают меньше часа.

Я спросил Гурзадяна, как проходила их вторая встреча с Сарояном – та, что без свидетелей. Он не ответил, сказал только: «Он оказался невероятно (любимое слово!) – невероятно другим!..» Что это значит, какой он был?

В другое время и по другому поводу Гурзадян сказал: «Он любил представления, умел уступать в утренние газеты, времени дают меньше часа.

Я спросил Гурзадяна, как проходила их вторая встреча с Сарояном – та, что без св